

ЛИТЕРАТУРА

1. Увет духовный. М., 1682.
2. Дробленкова Н.Ф. Великие Минеи Четии // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в., ч. 1: А–К. Л., 1988.

3. Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Декабрь, дни 25–31. М., 1912.

4. Бобров А.Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси. СПб., 1994.

*Статья поступила
в редакцию 02.04.2014*

УДК 821.16.

Л.И. ЖУРОВА

**«СОБОРНИК» МИТРОПОЛИТА ДАНИИЛА
И КУЛЬТУРА ПРОПОВЕДИ В МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI в.
(ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)**

д-р филол. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: zhurova@ngs.ru

В рукописном наследии митрополита Даниила самое важное место занял сборник, составленный из 16 Слов автора («Сборник»). Его появление вызвано нравственным и образовательным состоянием русского общества первой половины XVI в. Слова Даниила были рассчитаны на то, чтобы выполнить просветительскую и дидактическую функции в воспитании православного.

Известно, что церковные писатели следовали такому принципу строения проповеди – учить не от себя, а от Божественных писаний и согласно с ними. Поэтому роль священного текста в Словах Даниила была чрезвычайно высока. В трехчастной структуре его сочинений, которую исследователи XIX в. считали несвязанной, выписки из Библии и трудов отцов Церкви помещались во втором разделе и занимали много места (до 88 %). Исследователи XIX в. предлагали эти «свидетельства» не изучать и не публиковать.

В статье впервые обращается внимание на необходимость пересмотра оценок писательской практики Даниила. На основе анализа ряда сочинений «Сборника» выявлены элементы, обеспечившие содержательную и композиционную цельность авторского свода и позволившие определить логику в строении Слов проповедника. В диапазоне «Сборника» находятся вопросы о богословских истинах и мирской жизни: о ложных пророках и истинных учителях, крестном знамении и Крестной смерти, церковном предании, Боговоплощении, отношениях церковной и светской властей, человеческой морали и нравственности. Объединяющим началом в авторском своде является профития, пастырский пафос и единообразие формы Слов.

В. Жмакин определил жанр сочинений Даниила как ученый трактат. В настоящей статье предлагается Слова писателя представить как синтетичный жанр, жанр компилятивной организации. Укрупнение форм повествования – общая тенденция в развитии книжной культуры XVI в. Главное, считал Даниил, не побуждать человека самому постигать истину, а убедить его в том, что необходимо воспринимать священный текст только в изложении богослова. Этой позицией обусловлена архитектура Слов проповедника.

Ключевые слова: митрополит Даниил, «Сборник», учительная литература, проповедь, рукопись, книжная традиция, церковный писатель, XVI в.

Отсутствие большого интереса исследователей к рукописному наследию митрополита Даниила обусловлено односложностью тем его сочинений, единообразием приемов повествования и малой оригинальностью идей. Даниила обычно рассматривают как ученика и последователя лидера стяжателей Иосифа Волоцкого и как виновника драматической судьбы Максима Грека, Вассиана Патрикеева. Бесспорно, что он был очень начитанным книжником, хорошо знал библейский текст, святоотеческую литературу и сочинения византийских писателей: его Слова и послания изобилуют цитатами из прецедентных текстов. Даниил – человек прекрасной памяти и чуткого восприятия, часто говорил языком заученного текста, и в этом не-

льзя видеть, говоря современным языком, плагиата. Коллективная природа творчества и вера в божественное происхождение слова в Средневековье размывали границы между своим и «чужим» высказыванием, нивелировали индивидуальное начало. Отсюда самая сложная проблема в издании сочинений Даниила – установить границы авторской речи и источников, которые проповедник цитировал по памяти или пересказывал.

В рукописное наследие митрополита Даниила вошли слова, поучения, сочинения канонического содержания, грамоты и документы, но первое место отдано «Сборнику». Заголовок «Грешного и худаго инока Даниила, митрополита всеа Руси, Съборникъ събран от Божественных Писаний, сказание известно

имеа по главамъ коегождо Слова»¹ стал ипостасью свода трудов церковного публициста. Цельный, обширный и важный в историческом и литературном отношении памятник русской книжности Московской Руси составлен из 16 «главизн». Уже этот факт позволял исследователям видеть генетическую связь свода Даниила с «Просветителем» Иосифа Волоцкого, Пространная редакция которого тоже имеет 16 Слов. Даниил представил сочинения «Соборника» как «главизны» (книги), оправдывая таким образом их крупную форму. Большой объем Слов возник из-за многочисленных выписок, включенных автором в виде «свидетельств» (они могли составлять до 88 % текста).

В. Жмакин, автор единственного фундаментального труда, посвященного жизни и творчеству Даниила, считал, что «Соборник» стал ответом церковного публициста на «вопрошания» православных. Просвещенный пастырь «в своем труде хотел дать своим современникам такое руководство, где каждый мог бы найти себе ответы на вопросы, которые возбуждены были и различно обсуждались в то время умственного брожения» [1, с. 313–314]. Об общественных настроениях на Руси начала XVI в. можно судить по словам Иосифа Волоцкого: «...ныне же и в домех, и на путех, и на торжищех иноци и мирстии – вси сомнятся» [2, с. 170]. Актуальность публицистики Московской Руси обусловлена временем бурной полемики с еретиками, нестяжателями, сторонниками соединения католической и Русской Православной церковью, апологетами астрологии. Процесс становления самодержавия и определения отношений светской и церковной властей, несомненно, сказывался на формировании общественного и авторского сознания. Темы публицистических выступлений, несомненно, порождены историческим временем.

Свой труд («Соборник») Даниил преподнес как «духовную трапезу в питание и в наслаждение духовным чадам». Дело пастыря, пишет он в Предисловии, «кормити христоименитых людеи» (л. Зоб.). Содержанием «трапезы» стали «заготовки» («готово без труда») для стязаний с еретиками или между православными против «бываемых вин».

Нравственное и образовательное состояние русского общества в первой половине XVI в., особенно монашества, стало предметом критических высказываний ученого инока Максима Грека, философа и публициста Федора Карпова, иностранцев, посетивших Москву. Так, о низкой культуре проповедничества в Московской Руси, невежестве духовенства, грубости нравов писали Г. Герберштейн [3] и Л. Руцинский [4]. Причина такого положения – в недостатке просвещения и образования. И Даниил посвятил свои труды церковному учительству и наставничеству.

Русскими проповедниками за основу была взята главная задача пастыря, определенная апостолом

Павлом: учить народ вере и нравственности. О долге пастырского служения писали митрополит Фотий, Иосиф Волоцкий, Даниил, архиепископ новгородский Феодосий, митрополит Макарий. Максим Грек уподоблял свои слова писаниям святых отцов. Так, обсуждая ошибки, допущенные в переводе Никео-Цареградского Символа веры, ученый монах писал: «Подобне темъ святымъ [речь идет об Иоанне Златоусте, Исидоре Пелусиотском – Л.Ж.], и азъ, грешен богомолецъ вашъ, молю вы Иисусомъ Христомъ: престаните от такового новоявленого мудрования, брань бо и съблазнь двизаете точною православнымъ, а не ползу» [5, с. 216–217].

Церковные писатели считали, что просвещение должно служить исключительно религиозным целям. Безусловное подчинение авторитету Священного Писания приводило к ограничению самостоятельности личности, элиминированию независимости взглядов и недопустимости оригинальной мысли. Распространенным типом книжного творчества в Средневековье было создание компилятивных сочинений, в которых выписки из прецедентных текстов занимали ведущие позиции. В русле такой традиции следует рассматривать и писательскую деятельность Даниила.

Священник придавал огромное значение Божественному Писанию в сфере нравственной деятельности человека: «От неведения писаний произошли небрегомая и неисправленная жития», – писал он, от невежества мы «попадаем в сети диявола и погубили предани бываем». Своим долгом и обязанностью Даниил считал просвещение паствы, этим и мотивировано составление его сочинений. Вторая половина «Соборника» практически посвящена обсуждению вопросов морали.

Церковные писатели следовали принципу строения проповеди – учить не от себя, а от Божественных писаний и согласно с ними. Но Даниил, грешивший недостатком научной образованности, к Божественному Писанию относил всякое сочинение на религиозную тему. В результате такого подхода границы авторитетного слова становились слишком широкими, и не оставалось пространства для самостоятельного творчества новых проповедников. Таким способом, по мнению В. Жмакина, Даниил стремился ограничить вольнодумство и рационалистическое движение, которое отвергало некоторые символические книги православной Церкви.

Диапазон тем «Соборника» – от богословских истин до мирских проблем. Слова о ложных пророках и истинных учителях, крестном знамени и Крестной смерти, церковном предании, Боговоплощении, власти, морали и нравственности составили основное содержание «Соборника». Исследователи XIX в. (Макарий Булгаков, В. Жмакин, Е. Голубинский) писали об отсутствии связей внутри свода. Первая попытка установления системных отношений между главами была сделана мною на основе мотивного анализа [6, с. 15–19]. Кроме того, обнаруживается еще ряд структурных элементов, обеспечивших содержательную и композиционную цельность авторского свода. Так, на-

¹ Цит. по рукописи РГБ, ф. 173, собр. МДА/1, № 197, вторая четверть XVI в., полуустав, в четверку. Л. 4 (далее листы указаны в тексте в круглых скобках).

пример, сотериологическая нота прозвучала во многих темах «Сборника». В Слове 1 «О лжеучителях» спасение человека, проповедовал Даниил, – в милости Господа: «Не имьи греха за грешных пострада» (л. 9 об.). В Слове 6 «О Крестной смерти» она отозвалась на разных регистрах звучания евангельского, псаломного и учительного текстов [7].

На цельность «Сборника» указывает также единообразное строение его глав. Первая часть каждого Слова – историческая, в ней поставлена проблема сочинения; вторая – «свидетельства» (выписки из библейских, святоотеческих и других текстов), третья – «Наказание», собственно пастырское наставление. Особенности композиции Слов «Сборника» отметили все исследователи. Так, Макарий (Булгаков) писал: «В первой и третьей части каждого слова Даниил говорит сам, выражает собственные мысли...; во второй он только представляет чужие свидетельства, располагает их по своему усмотрению, без всякой между ними связи, и от себя не прибавляет и не говорит ничего...» [8, с. 188]. Жмакин тоже подчеркнул самостоятельность первой части, излагающей основной предмет, во второй части, по мнению дореволюционного исследователя, Даниил выступил как «списыватель, простой копиист, мысль которого во время труда остается совершенно бесследной для дела» [1, с. 291]. Третьей части Слов он уделил больше внимания, определил ее поучительный характер и опубликовал большой ряд «Наказаний». Особенности трехчастного строения сочинений Даниила Жмакин объяснил просветительскими целями и мировоззрением ортодоксального церковного писателя. Непростая ситуация, неблагоприятные условия в практике проповедничества (паства могла открыто выступить с критикой священника) требовали от Даниила активных административных действий, которые он оправдывал абсолютным авторитетом Священного слова. «Мнения» митрополит отвергал и называл их «проклятыми». Он не признавал «независимую деятельность ума», самостоятельность мышления и себе не позволял вольности суждений. Видимо, поэтому явно выраженное авторское самосознание Максима Грека, его образованность и культура, широта взглядов вызывали у Даниила по меньшей мере раздражение и предопределили роковые отношения между двумя незаурядными личностями.

В выборе формы сочинений, считал В. Жмакин, Даниил сделал шаг вперед «в истории поступательного движения церковного консерватизма» по сравнению с Иосифом Волоцким: «Форма сочинений Даниила, так сказать, вылилась сама и явилась такой именно, а не иной, будучи прямым непосредственным плодом древнерусской книжности и тех целей и задач, которые ставились и преследовались ее деятелями. Она вполне отвечала и удовлетворяла двум целям, которые преследовал митрополит в своих сочинениях. Его задачами было дать богословские основания некоторым догматам церкви и вместе с тем представить в них нравственные наставления для пасомых» [1, с. 293]. Удивительное постоянство в организации сочинений

создало закрытую структуру текста Даниила, что в свою очередь приводило к осознанному ограничению свободы творчества.

На творчество Даниила большое влияние оказали труды Никона Черногорца, которые русский митрополит сам редактировал [9, с. 88], а также популярные произведения греческой литературы, сочинения Анастасия Синайского, Иоанна Лествичника, Иоанна Дамаскина и др. Опыт составления компиляций из сочинений отцов и историков Церкви был очень распространен в средневековой литературе. «Пандекты» греческого монаха (составленные в свою очередь в подражание трудам Антиоха) обычно определяют как аскетический флорилегий и своеобразную энциклопедию для монашества [10, с. 48]. Собранные из всех жанров церковной литературы Византии, они закрепили в книжной культуре парадигму средневековых компиляций, рассчитанных на распространение знаний трудов отцов Церкви, соборных постановлений и других произведений христианской литературы [11]. Сам принцип монтажа выписок был очень распространенным в рукописной традиции.

Надо иметь в виду, что в Средневековье количество собранных чужих мнений ставилось писателю в заслугу. Даниил пытался продолжить традицию, ориентируясь в первую очередь на цели церковного просвещения. Жмакин считал, что свидетельства подобраны Даниилом для подтверждения своих мыслей, их расположение не подчиняется никакому плану, они между собой не связаны. Форма, предложенная Даниилом, заключил Жмакин, – *типическая* для всей вообще древнерусской письменности, выработавшейся на началах книжного, а не научного просвещения. И митрополит Даниил по форме своих сочинений являлся типическим ученым богословом русской древности, богословом-начетчиком (см.: [1, с. 288–293]). И еще один вывод Жмакина чрезвычайно важен: «все сочинения Даниила со стороны их формы служат полным отражением свойств древнерусского просвещения или книжности, и в то же время они представляют типический вид литературных произведений, которыми и заканчивается как древнерусская церковная письменность, так в частности и древнерусское проповедничество» [1, с. 294].

Но в писательской практике Даниила можно видеть особую культуру его проповеднического творчества. Так, вторую часть Слов, которая представляет собой собрание «чужих» текстов («свидетельств»), исследователи считали самой неудачной, несамостоятельной. Макарий Булгаков предполагал, что Даниил должен был поместить выписки в конце сочинений. Жмакин вовсе проигнорировал их в своих публикациях. Но, как показывает анализ, «свидетельства» сыграли решающую роль в формировании интенции автора. Можно оспорить выводы В. Жмакина о том, что Даниил «при изложении свидетельств является списывателем их, простым копиистом», что «собрание в одно целое, компактное всего того, что существовало в церковной письменности в разбросанном виде, не может

быть признано литературной формой, а скорее механическим трудом переписчика» [1, с. 291]. Анализ текста Слова 6 «О Крестной смерти», показал, что свидетельства в Словах Даниила четко структурированы, в них просматриваются уровни, на которых прецедентные тексты расположены системно: новозаветные, ветхозаветные, святоотеческие, а авторский дискурс представляет собой рецепцию авторитетных высказываний и носит производный характер [7].

«Свидетельства» служили методологической основой для порождения авторского текста, и переход к нему Даниил маркировал. Так, оговоркой он начинает «Наказание» в Слове 1, следующее за многочисленными выписками авторитетных сочинений: «О сих всех и о другихъ исперва даже до зде» (л. 38); в Слове 2: «Сиа вмале к любви вашей потрудивъшеся, събрахом от Божественныхъ Писании, принесем же вмале нечто глаголь и о пастырьехъ...» (л. 53). То есть, церковный писатель сочленял части своих Слов. Текстуальные совпадения между ними, повторы ключевых положений, безусловно, доказывают цельность повествования.

Первая и третья части Слов Даниила, по мнению дореволюционных исследователей, имели довольно самостоятельный характер, но не были жестко связаны между собой. В результате изучения некоторых глав «Сборника» удалось установить между «историческим» повествованием и «Наказанием» смысловые и текстуальные совпадения, словесно-фразовые повторы, многократное цитирование одного и того же фрагмента Священного Писания, которые указывают на цельность Слова митрополита Даниила.

Каждое сочинение (в совокупности всех его трех частей) В. Жмакин предложил рассматривать как учебный трактат, а первую и третью части – как пастырское поучение, а не как слово в его строго гомилетическом значении [1, с. 289–290]. Исходя из современных знаний о жанровой природе древнерусских произведений, можно пересмотреть точку зрения дореволюционного исследователя. Если под трактатом понимать литературную форму научного или богословского сочинения, в котором содержится обсуждение какого-либо вопроса, основная интонация которого есть рассуждения (часто полемические), то Слова Даниила под такое определение не подходят. Даниил, как правило, декларировал, транслировал известные богословские положения, опираясь на прецедентный текст: библейский и святоотеческий. Он не мог предложить принципиальный подход к предмету в силу своей недостаточной научной образованности. Его Слова по форме представляют собой синтетичный жанр, жанр компилятивной организации. Объединяющим началом в авторском сборнике является профития, пастырский пафос и единообразие формы Слов. Главное, считал Даниил, – не побуждать человека самому постигать

истину, а убедить его в том, что необходимо принимать ее только в изложении богослова. Известно, что Даниил, будучи игуменом Волоцкого монастыря, запретил инокам держать книги при себе, признавая не келейное, а соборное чтение Священного Писания. Форма его трудов соответствовала поставленным целям: просвещение и наставление.

Новый этап в истории культуры проповеди знаменовало собой творчество Максима Грека, оно предопределило и подготовило в России переход книжной культуры от Средневековья к Новому времени [12]. Философия и строение русской проповеди XVIII–XIX вв. представлены в труде В.П. Зубова на примерах творчества Дмитрия Ростовского и других богословов [13]. Рецепция сочинений Даниила и Максима Грека различается. Рукописная традиция текстов Даниила не имела широкой распространенности, но выписки из его Слов были популярны в XVII–XVIII вв., особенно в старообрядческой среде. Сравнение трудов Даниила и Максима Грека, написанных на общие темы культурно-религиозной жизни своего времени, позволит определить грани единого творческого процесса в русской проповеди первой половины XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
2. Послания Иосифа Волоцкого / подг. А.А. Зиминой, Я.С. Лурье. М.; Л., 1959.
3. Герберштейн Г. Записки о Московии. М., 1988.
4. Руцинский Л. Религиозный быт русских в XVI и XVII вв., по свидетельствам иностранцев // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1871. Кн. 3.
5. Максим Грек. Сказание о соблюдении Символа веры // Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2011. Ч. 2.
6. Журова Л.И. Мотивная структура «Сборника» митрополита Даниила // Сибирский филологический журнал. 2012. № 2.
7. Журова Л.И. «Слово о Крестной смерти» митрополита Даниила и традиция учительной литературы // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция: сб. науч. тр. Новосибирск, 2014. С. 130–156. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 32).
8. Макарий (Булгаков). Сочинения московского митрополита Даниила // Христианское чтение, издаваемое при С-Петербургской духовной академии. 1872. Октябрь. № 10.
9. Кюсс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
10. Максимович К.А. «Пандекты» Никона Черногорца в традиции древнейших славянских переводов с греческого // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 59.
11. Максимович К.А. Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М., 1998.
12. Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературные традиции. Новосибирск, 2008. Ч. 1.
13. Зубов В.П. Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. М., 2001.

Статья поступила
в редакцию 01.03.2014